

“Душою надо полнеть, девки, а не телесами”

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Вот кино - 1998 - 24 окт - 4ч

ВЕНИЧКА

24 октября Венедикту Ерофееву исполнилось бы 60 лет

Когда «Москва — Петушки» в самиздатском варианте (а это 1969 год) стала гулять по стране, то реакция была полярной: от полного восхищения до такого же полного отторжения. Для апологетов соцреализма все было ясно: «Да просто пьяница едет в электричке».

«Я люблю дебельх, я дебелогвардеец»

Нельзя понять до конца человека, если опустить вопрос о женщинах. Мне кажется, что это вообще ключевой вопрос.

Рассказывает Лидия Любчикова: «В юности он был очень добродушен и деликатен, никогда он никого резко не отталкивал. И у него, по-моему, были романы, но не знаю, насколько они его глубоко трогали. По рассказам, он любил Юлию, и это чуть ли не осталось болезненно на всю жизнь. Юлия у них была «комсомольская богиня». Она была, кажется, секретарь комсомольской организации, девица с волевым характером, ездила на мотоцикле, стреляла и так далее. Она училась на биолога и сейчас, кажется, кандидат наук. Тогда дело кончилось разрывом: наверное, в этом виновата и его ботаника натура, и очевидная неустойчивость, и благосклонность ко всем девушкам, которые вокруг вились. Была легенда, что Юлия хотела даже его застрелить.

Валя Зимакова, тоже из пединститута, оказалась, очевидно, той, которая полюбила Веню сильнее других, «прилепилась» к нему, как советует Писание, и стала в конце концов его женой. После распределения она поехала к себе в Мышино преподавать. Это под Петушками деревня, совершенно захолустная. Венедикт приезжал в Мышино, когда у него были свободные дни. Валя начала очень сильно пить, а может быть, она пила еще со Владимира, там была тогда мода на пьянство и бесовство. Все девицы объявляли себя ведьмами, была общая истерия, вечно их нужно было вызывать, спасать: то они себе разрежут вены, то еще что-нибудь... Ребенок у «Петушках» — это Валдин сын, а женщина — не она. И даже буква «Ю», я думаю, идет от имени Юлия. Веня потом снова сошелся с Юлией, и на какое-то время семью у него как отрезало, он о них даже не вспоминал, не говорил. У Юлии была трехкомнатная квартира в Пушкине, она постаралась его обходить, потому что он в переездах среди своих пьяных мужиков, жителям квартир и в гостиницах оборачивался весь... И она влезала его одевать, обувать, отмыывать, всячески холить и нежить. Приезжает он как-то раз к нам и портфель несет. То у него были какие-то заманчивые чемоданчики, а тут — роскошный министерский портфель, и оттуда он вынимает замечательные тапочки — магкие, коричневые. Он нам тапочки показывает, усмехаясь над собой, и говорит: «Что тапочки! У меня теперь холодильник даже есть, представляешь! Первый раз в жизни у меня есть холодильник, и чего там только в этом холодильнике нет!» И весь сияет и рад полетски...

В конце концов Юлия не выдержала и прогнала Ерофеева окончательно. Потом Веня возник в жизни другой женщины, Галины, которая стала его второй официальной женой. «В общем, сначала все выглядело так, что я слала свои комнаты писателю... Пустить в дом Ерофеева — все равно, что пустить ветер, это не мужик, а стихия. И в житейском отношении я ничем не отличаюсь от большинства русских баб: и у меня муж был пьяница, и у меня он все пропивал. Когда за границы вышли «Петушки» — это ничего в нашей бедности не изменило... В доме я была добытчицей... Мы прожили вместе 15 лет.

...Я перестала работать за год до его смерти, когда уже совсем уж ему стало плохо. Тогда деньги стали появляться, и пьеса пошла в театр... По воспоминаниям Нины Фроловой, сестры писателя: «Галина была ему как мама родная, а когда он заболел — тем более». Журналистка Ольга Кучкина спросила Вадима Тихонова, прожившего с Ерофеевым душа в душу более 32 лет: «А женщины Веня любил?» Ответ Тихонова: «Ой, Господи! Они от него вообще без ума были. Ему, придурку, 50 лет, а около него пасутся эти девятнадцатилетние девки. Я ему говорю: какого хрена, Ерофеич, что ты с ними делаешь? Он говорит: я не знаю, что они со мной делают. Из записных книжек Венедикта Ерофеева: — Душою надо полнеть, девки, а не телесами. — Не женщина, а телесное наказание. — Вакханка-пулеметчица. — И как жаль, что у нее только две колечки.

У Венедикта Ерофеева была мечта: всех девушек, которые его любили, собрать за одним столом. Устроить эдакую Вальпургиеву ночь и посмотреть, как они будут вести себя — сами передерутся, может быть, его убьют или все тихо будет. Не собрал. Хотя в последние три года жизни Венедикта Ерофеева около него были две женщины: жена Галина и подруга Наталья Шмелькова (ученая-геохимик, кандидат наук, литератор, искусствовед-художница и очень красивая женщина, модель известных художников). Когда они познакомились, Веня записал в своем дневнике: «Нахальная брюнетка». Затем они крепко подружились,

но это были какие-то особенные отношения.

Наталья Шмелькова признавалась: «Это было многослойное чувство: и как к ребенку, и к мужчине, и к другу. И он ко мне так же. Я его матерью крестной стала...»

Эта целая история: Ерофеев крестился в католическом костеле святого Людовика. Он принял католичество, ибо не любил православие, как он говорил, «за холуйство».

Не будем копаться в отношениях Ерофеева и Шмельковой: то, что считает нужным, отдаст на суд читателей сама Наталья Шмелькова: «Единственная любовь — Веня. Я обожала его. Не подумайте, потому что писатель. Если бы он был дворником, кем угодно, при тех же качествах...»

А вот Галина иногда упрекала Венедикта Ерофеева, что он не кандидат наук — она была кандидатом. И, к сожалению, психически больной женщиной. Во время осенних кризисов формулами испивала обои и однажды хотела выброститься с балкона навстречу комете Галлея, которая тогда приближалась к Земле. Во второй раз попытка удалась: она выбросилась из окна 13-го этажа. Это случилось после смерти Вени и не было самоубийством на почве любви и отчаяния.

«Мало ли от чего дрожит рука»

Незадолго до своей смерти Веня как-то сказал Шмельковой: «Меня-то скоро не будет, а ты когда-нибудь испытаешь гордость за то, что жила в это время». Ему звонили. Угрожали: «Ерофеев, если вы не оставите свои семитские штучки, мы и вас не пожалеем, когда сила будет на нашей стороне». На этот счет Веня говорил: «Если начнутся еврейские погромы, то в знак протеста переименую себя в Венедикта Моисеевича».

Но Венедикт Ерофеев не прекращал своих «семитских штучек». Запись из дневника Натальи Шмельковой от 17 февраля 1989 года:

«Вечер Вени в Литературном институте... Выступали Битов, Ерофеев, потом Веня. Много вопросов. Последний — про «Мую маленькую Лениниану». Вот тут и началось!!! «... Этого плешивого муздака давно пора убрать из Мавзолея». Под смех и аплодисменты парторг, вытянув шею, с пуношными пятнами на щеках, по ногам сияющим в ряду стремительно пробирается к выходу. «Коммунисты не способны решить никаких задач», — продолжает Веня. — Вот разве что СССР выиграл войну. Но коммунисты здесь ни при чем. Выиграл войну народ». Реакцией студентов остался доволен. Особенно когда сядил в такси, а они на прощание махали ему вслед руками». «Моя маленькая Лениниана» —

это еще один маленький шедлер Ерофеева по разоблачению культа Ильича. О его пастве Венячка писал:

«Не одолев их буйной дури, Он астал под знамя Ильича, Теперь, мятежный, просит бури, Как морда просит кирпичка».

И еще один Венячкий прикол: «Да мало ли от чего дрожит рука? От любви к отечеству».

«Уйду в мир чистых существей»

«Они вонзили мне шило в самое горло... Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква «ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходи в сознание и никогда не приду».

Так он предсказал свои страдания в поэме «Москва — Петушки». Венедикт Ерофеев успел увидеть свою пьесу «Вальпургиеву ночь», дождался репетиций «Диссидентов», должна была быть опубликована «Фанни Каплан». И — огромное качество незаконченного, недоделанного в ящиках письменного стола. «У него было миллион планов, и все готово, но в голове. Ему все казалось, что сейчас у него будет две свободные недели — он ляжет и напишет, но сил уже не было» (Галина Ерофеева).

Сил не было — болезнь ела его изнутри. Ему были срочно необходимы хорошие врачебные руки, современные лекарства и новейшая медицинская аппаратура. Однако «компетентные органы» дважды не выпустили его из СССР на лечение во Францию и Израиль. Про эти «компетентные органы» Венедикт Ерофеев говорил:

«... И они копались, копались — май, июнь, июль, август 1986 года — и наконец объявили, что в 63-м году у меня был четырехмесячный перерыв в работе, поэтому выпустить во Францию не имеют никакой возможности. Я обалдел. Шла бы речь о какой-нибудь туристической поездке — но сылаться на перерыв в работе двадцатитрехлетней давности, когда человек нуждается в онкологической помощи, — вот тут уже... Умру, но никогда не пойму...»

11 мая в 7 часов 45 минут Венедикт Ерофеева не стало. Его друг Игорь Авдиев написал так: «Венедикт Васильевич Ерофеев проснулся в пятницу 11 мая, посмотрел на мир ясными голубыми глазами обиженного ребенка, как бы спрашивающими, за что «эта боль», «этот холод собачий», «эта невозможность», — и уснул навеки».

В дневниковых записях самого Венедикта Ерофеева есть такие слова: «Вот сейчас последний раз выдохну — и уйду в мир чистых существей». Как ему там сейчас — в этом мире?

«Мне с вами не о чем пить»

Итак, пьяница в электричке. О пьянстве Венячка следует поговорить. Мать первой жены, Валентины, растапливала печку Венячкими дневниками, приговаривая: «У пьяного Тришки одни равные книжки».

По воспоминаниям друзей и знакомых, у Ерофеича (так его иногда называли) была изумительная способность не пьянеть. Но со временем, увы, иссякла. Лидия Любчикова вспоминает: «...Он остался такой же веселый и хороший, как в молодости, но только когда был трезв, а это случилось все реже... Пьяным он становился совершенно другим — резким, неприязненным. Его трудно стало любить — ценить, все прочее, а любовь он мог оттолкнуть очень резко. И слава Богу, что многие все-таки его видели настоящим и любящим...» Наталья Шмелькова, последняя подруга Венедикта Ерофеева, говорила так: «... Вообще я его алкоголиком не считала. Он не был этим болен. Тут сложнее. Это был как бы образ жизни. Алкоголь не был для него наркотиком, как для других: мозги затуманить, забыть и уснуть. Абсолютно нет. Он не любил тупого пьянства. Пили, беседовали, юмор. Терпеть не мог, когда физически пьянели, всегда свежая голова, свежие глаза. Говорил: ненавижу пьяни».

Старый друг и собутельник Венячки Игорь Авдиев подтверждает: «Веня ненавидел просто пьянищ. Ненавидел опьяняющее скотство». «Мне с вами не о чем пить», — коронная фраза Венедикта Ерофеева. По Венячке, пить — это, значит, общаться, разговаривать, мыслить, острить.

В книге «Москва — Петушки» можно вычитать любые рецепты алкашей того советского славного периода. Знаменитый «Сучий потрох», «Слеза комсомолки», «Почелуй тети Клавьи», «Дух Женевы»... Да, «Петушки» богато спиртуализованы. Это видимая и осязаемая сторона повествования, но есть и другая, невидимая для тех, кто не знаком с мировой и русской литературой, и именно эта часть доставляет настоящий кайф. Он виртуозно владел методом литературного монтажа: цитаты, прямые и скрытые, аллюзии, переклички, параллели идут в тесном ряду и создают энциклопедический аромат культуры. Так что же получается? Алкоголик и книголюб? Божь и эрудит? Вечный изгнанник. Вечный бездомный. Вечно неприкаянный. Но — с нежной душой и четким умом философа.

«Интеллигенция — это чистая болтовня»

Венедикт Ерофеев родился 24 октября 1938 года в Кировске (бывший Хибингорск) Мурманской области. Отец был репрессирован в 1946 году. Мать одна тащила шестерых детей — Венячка был пятым. Рос он в бедности и голоде.

Рассказывает сестра Нина: «Венячка необычный был и маленький: когда он научился ходить, мы даже и не знали, никто его специально не учил, может быть, сам что-то спрашивал у

старших. Память у него была превосходная. Например, такой эпизод. Книг особых у нас не было, поэтому читали все подряд, что под руку попадется; был у нас маленький отрывной календарь, который вешают на стену и каждый день отрывают по листочку. Венячка этот календарь — все 365 дней — полностью знал наизусть еще до школы; например, скажешь ему: 31 июля — он отвечает: пятница, восход, заход солнца, долгота дня, праздники и все, что на обороте написано. Такая была феноменальная память. Мы, когда хотели кого-нибудь удивить, показывали это...»

Три года Венедикт провел в детском доме. Книг вернулся отец, его забрали в Кировск, и там на Кольском полуострове он закончил 10 классов. Золотым медалистом в 17 лет отправился в Москву и поступил в 1955 году на филологический факультет МГУ.

В одном из интервью Венедикт Ерофеев рассказывал: — Майор, который вел наши военные занятия, сказал однажды: «Ерофеев! Почему вы так стоите? Неужели нельзя стоять стройно, парам-пам-пам! Главное в человеке, — и он прохаживается перед строем наших филфаковцев, — выправка!» Ну а я ему и сказал, что это, мол, не ваша фраза, это точная цитата из Германа Геринга, конец которого, между прочим, известен... — А что, интересно, ответил товарищ майор?

— Товарищ майор ничего не ответил, но дал мне глазом понять, что мне недолго будет в МГУ имени Ломоносова. Но ничего не возразил — что на это возразить?..

После зимней сессии второго курса Ерофеева вышибли. Но не товарищ майор был тому виной, а сам Венячка: первую сессию он сдал на пятерки без всякого напряжения, а потом перестал сдавать экзамены и вообще ходит на занятия. Ему хотелось быть вольной птицей.

Четыре вуза — Московский университет, Орехово-Зуевский, Коломенский и Владимирский педагогические институты — изгнали его. Из последнего Владимирского института не только отчислили, но и выслали из города. Формулировка такая: «За моральное, нравственное и идейное разложение студентов Института имени Лебедева-Полянского». В чем выразилось «нравственное и идейное разложение»? В общежитии, в тубочке, у Ерофеева нашли Библию, которую он постоянно читал и часто цитировал. По тогдашним временам это было нечто контрреволюционное и антисоветское.

— Чем занимался? Да чем только не занимался, — рассказывал позже Венедикт Ерофеев. — Работал каменщиком, штукатуром, подсобником на строительстве Черемушек, в геологоразведочной партии на Украине, библиотекарем в Брянске, заведующим цементным складом в Дзержинске Горьковской области... Кем угодно. 15 лет скитался он по стране. Был еще приемщиком стеклотары, эмзеломов в Средней Азии, дорожным рабочим, монтажником линий связи.

— На кабельных работах я получил отличную фольклорную практику. Жил я в вагончике тогда, в грязи, в одном вагончике помещалось девять человек. Мои соседи обращались со мной нормально, но считали дураком... Именно там, на кабельных работах, лежа на верхней полке нар, написал Венедикт Ерофеев поэму «Москва — Петушки», ставшую

символом целой эпохи. Тонюсенькая книжечка, написанная в 1969 году, вызвала бурю литературоведческих дискуссий и сразу вошла в фольклор.

Но еще раньше, в студенческую пору, Ерофеев написал «Записки психопата», затем роман о Шостаковиче. И то, и другое считается утраченным.

Когда Венедикт Ерофеев был уже признан и знаменит, газетчики-журналисты стали осаждают его вопросами типа «наследует ли советская интеллигенция лучшие традиции интеллигенции русской?». На что Венедикт Васильевич отвечал так: — Советская интеллигенция? Господи, а это что такое?.. Это чистейшая болтовня. Чего им наследовать? Советская интеллигенция истребила русскую интеллигенцию, а она еще претендует на какое-то наследство... На такой «нигилизм» кто-кто, а Венедикт Ерофеев имел право.

«Это нельзя читать»

Владимир Муравьев о Венедикте Ерофееве: «Он всю жизнь читал, читал очень много. Мог месяцами просиживать в Исторической библиотеке, а восприимчивость у него была великолепная. Но читал не все, что угодно. У него был очень сильный избирательный импульс, массу простых вещей он не читал, например, не уверен, что он перечитывал когда-нибудь «Анну Каренину». Не знаю, была ли она вообще ему интересна. Он, как собака, искал «свое». Вот еще в общежитии попался ему под руку «Мистерии» Гамсуна, и он сразу понял, что это — его. И уж «Мистерии» он знал почти наизусть».

Когда Венячка приезжал к родным — сестрам и братьям, составлял для них список, что надо читать. «Что ты читаешь?» — «Пикулю». — «Фу! Вот Набокова надо читать», — вспоминает слова Вени сестра Нина.

Любимыми писателями Венедикта Ерофеева были из западных — Рабле, Ибсен, Гамсун... Из отечественных — Гоголь («Если бы не было Николая Васильевича, и меня бы как писателя не было, и в этом не стыдно признаться»). Некрасов, Салтыков-Щедрин, Козьма Прутков, обзриуты... Из поэзии любимыми были Бальмонт и Северянин, к которым Венячка сохранил привязанность до конца дней своих.

Не терпел Чернышевского и Добролюбова. Не любил Ахматову и Булгакова (по воспоминаниям, «Мастера и Маргариту» ненавидел так, что его трясло). Про писателя Эдуарда Лимонова говорил: «Это нельзя читать». Любил музыку и хорошо ее знал. Из письма к сестре Тамаре (13 ноября 1982 г.): «...Теперь другая мекха занятиям: по случаю кончины нашего президента мне на голову свалилась такая бездна добротной музыки, что я едва успеваю перебежать от радио к телевизору и обратно. Допустим, только что по радио закончилось мое любимое получасовое andante из 4-й симфонии Брукнера, как слышишь: в той комнате, по телевизору, начали 8-ую сонату Бетховена; не успевае дослушать, бежишь на кухню, потому что там без всякого предупреждения вступила самая скорбная и горемычная часть из 1-й сюиты Сибелиуса и т. д. ...» А вот еще одно признание: «Что я, в сущности, люблю? Лютики, песенки Блантера, портвейн и человеческо-наветистические замыслы американской военщины».

Киноконцертный зал «Пушкинский»
С 22 октября по 4 ноября кинокомпания «Гемини Фильм Интернационал» представляет кинокомедию
«ДОКТОР ДУЛИТТЛ»
В главной роли — лучший комедийный актер Голливуда
Эдди Мерфи
У доктора Джона Дулиттла есть, кажется, все, о чем только можно мечтать: профессиональный успех, красивая жена и две прелестные дочки. В довершение ко всему он вот-вот заключит самую большую в своей жизни финансовую сделку. Короче, доктор Дулиттл — настоящий счастливчик. И вдруг случается непредвиденное: к своему ужасу, доктор Дулиттл замечает, что в нем просыпается когда-то присущая ему способность... говорить на языке зверей. Дулиттл в прямом смысле понимает зов природы и может на него ответить. Отыные его ждет настоящая «собачья жизнь»: четвероногие и пернатые пациенты, прослышав про чудесного целителя, не дают ему прохода ни дома, ни на работе.
Сеансы: 22 октября — 19.00 (премьера), 22.00
23 — 25 октября — 11.00, 15.30, 20.00
26 октября — 4 ноября — 11.00, 13.00, 15.00, 17.00, 19.00, 21.00
В пятницу, субботу и воскресенье — ночные сеансы в 23.00.